

Славный юбилей

За окном по-осеннему холодно и неприглядно. Льет дождь, сердито шумит ветер. Может быть поэтому небольшая квартира Марии Эммануиловны кажется еще более уютной и приветливой.

Мы сидим с Марией Эммануиловной у стола, и она тихо и взволнованно рассказывает свою жизнь актрисы, отдавшей сцене четыре десятилетия.

Она несколько взволнована навигующимся юбилеем, она старается скрыть радость ощущения этой знаменательной для себя даты, но это ей не удается.

Да и трудно сохранить равнодушие, читая полные горячих пожеланий приветственные телеграммы и письма от друзей и товарищей по сцене. Оттуда только они и шлют своих теплых поздравлений. Из Москвы, Харькова, Севастополя, со всех концов необъятного Советского Союза. Вот только что принесли волнующую телеграмму из далекого Заполярья от коллектива гастролирующего там Ленинградского передвижного театра.

Вслед за ней такое же теплое и горячее письмо — от заслуженного артиста Республики Н. Синельникова. В этом письме уже маститый актер напоминает Марии Эммануиловне маленький эпизод, происшедший 51 год тому назад. Это было в Ростове (в то время в ростовском театре играла ее мать). Театр ставил оперетту «Клад Гудсона», в которой в одном из актов выступает с пением мальчик и девочка. Этот мальчик, что пол 51 год тому назад в оперетте «Клад Гудсона», сейчас известный артист Ленинградского малого оперного театра Ростовцев, а девочка — наша талантливая, всеми уважаемая актриса курского драмтеатра Мария Эммануиловна Гойер-Южина.

40 лет на сцене, из них 20 — в театрах царской России.

— Как не похожи эти две половины моей театральной жизни одна на другую. Какая огромная пропасть лежит между ними, — говорит она.

Отдавшись воспоминаниям, Мария Эммануиловна рассказывает, какой грустной, какой тяжелой и неприветливой была жизнь актера и особенно актрисы. С каким холодным равнодушием и плохо скрытым презрением относилось к актеру тогдашнее «цивилизованное» общество. Многие знают, как тяжело было положение актрисы в дореволюционном театре, в дореволюционной России, где на артистку смотрели, как на падшую женщину.

Оттого и жили актеры замкнутой жизнью.

— Мы как-то были оторваны от политической и общественной жизни. Наш быт, словно язва, разъедала богема, забывшая немало способных, немало одаренных и талантливых актеров, — говорит Мария Эммануиловна.

Нашему славному юбиляру было 11 лет, когда ее мать, известная в то время певица, измученная затянувшейся болезнью, преждевременно умерла в страшной нищете. Умрала, она завещала своей дочери: «Не будь актрисой, бойся сцены, как огня».

12 лет Марусю устроили на казенный счет в екатеринбургскую гимназию. Когда начальница узнала, что Маруся Гойер — дочь актрисы и сама выступает на сцене в детских ролях, начальница классиче-

ской гимназии не совсем классически заливала:

— Ничего, мы эту дурь из ее головы вышибем.

Но «вышибить эту дурь» не удалось. Окончив гимназию, Маруся уходит на работу в драмкружок на мотовилихинском заводе. Вскоре она уезжает в Москву, отсюда начинается ее кочевая жизнь.

Словно в калейдоскопе, мелькают города: Елисаветград—Владивосток, Ростов-на-Дону—Харьков, Калуга—Варшава, Иркутск—Астрахань, Казань—Ташкент — всего 36 городов за первые 20 лет работы в театре.

Великий пост... Театры прекращают работу. Со всех концов России тянутся в Москву актеры за новым ангажементом. А там их уже ждут антрепренеры — своеобразные акулы и кулаки.

— Первые дни, — говорит Мария Эммануиловна, — актер еще обедает, а потом с каждым днем все туже и туже стягивает кушак. Все что было лишнего уже снесено на толкучку. И вот в самый критический момент в качестве «спасителя» выступает антрепренер. Он диктует условия, зачастую кабальные, а актеру деваться некуда, и он подписывает любой

контракт, лишь бы не очутиться на мели.

75—80 рублей получала в месяц Мария Эммануиловна. Из этих денег нужно было платить за квартиру, пытаться одеваться, причем одеваться так, чтобы не стыдно было выйти на сцену. Даже грим по условиям контракта актер вынужден был покупать на свои деньги. Нашему юбиляру приходилось сидеть ночами за перепиской ролей, чтобы кое-как свести концы с концами.

С 25 лет Мария Эммануиловна играет только старух.

— Уж такое это амбула, что не требовало больших расходов на тряпки. Известно, какой гардероб у старухи, — смеется Мария Эммануиловна.

Шквалом налетел Октябрь. И в жизнь актера, правда, не сразу ворвалось что-то новое, еще трудно ощутимое.

— Революции пока было не до нас, но мы уже почувствовали, что и в нашем быту и в отношениях людей к актеру и театру назревает тоже близкая и долгожданная революция.

— Я помню, — продолжая свой рассказ, говорит Мария Эммануиловна, — как в Петровске я должна была играть в «Свадьбе Кречинского» старуху Атуеву. И вот мне совсем неожиданно, впервые за два десятка лет моей работы на сцене, приспели халат для старухи. Я просто была подавлена и ошеломлена таким неожиданным событием. А спустя короткое время, это уже стало обычным явлением. Костюм, грим уже перестали быть предметом заботы актера, об актере стало заботиться само государство.

С радостью, воодушевлением, опрямой

энергией работает Мария Эммануиловна в советском театре. Новая аудитория, сбросившая с себя вековое иго угнетения, аудитория жадная и чуткая заполняет театр. В зрительном зале растопился лед равнодушия, холодного высокомерия к актеру. Сюда пришли новые люди, с новыми духовными запросами, с другим отношением к людям и вещам.

— Мы ощущали этого нового зрителя, мы остро чувствовали, как он жадно следил за всем, что происходило на сцене, как он с исключительной непосредственностью внимал каждому слову и жесту актера. Я никогда не испытывала такого огромного морального наслаждения от своей игры. Я никогда не испытывала такой большой радости за актера, за театр, как в наши советские дни.

В 1922 году Саратовский губком Всесоюзной Рабочей и Крестьянской инспекции выдает Марии Эммануиловне почетную грамоту за ударную работу в театре. Уже 15 лет прошло с тех пор, а этот первый документ общественного признания актера еще не потерял свежести своих красок, — так бережно хранит его Мария Эммануиловна.

С такой же бережностью она хранит и почетную грамоту от Великолукского горсовета и грамоту, выданную ей как ударнице первого года второй пятилетки.

С особенной теплотой Мария Эммануиловна вспоминает рабочих Надеждинского завода. Театр часто устраивал концерты для рабочих утренних смен прямо в столовой завод. В 40-градусные морозы, сквозь пургу, сутробы актеры с радостью ходили на эти концерты.

— И надо было видеть, — говорит Мария Эммануиловна, — с каким трогательным вниманием слушали нас рабочие, как они были не похожи на равнодушно-презрительную толпу бывшей городской знати во главе с исправником или политей-

мейстером. Это был настоящий зритель, прекрасно понимающий, что такое театр и что такое советский актер.

Как-то однажды, возвращаясь с репетиции, Мария Эммануиловна встретилась с двумя молодыми рабочими. Порывавшись с ней, один из них, обращаясь к другому, сказал:

— Ты знаешь, кто это? Это артистка.

— Тон, которым было сказано все это, глубоко взволновал меня. В тоне молодого рабочего чувствовалось огромное уважение к профессии актера и к самому актеру.

И это уважение вполне понятно. Благодаря заботе партии и правительства, в нашей стране театральное искусство заняло почетное место в общей системе социалистической культуры.

В стране выросли сотни новых прекрасных театров. На их подмостках кипит живая творческая работа. Советские актеры доводят до массового зрителя произведения великих драматургов.

На сцене советского театра выросли талантливые мастера сценического искусства.

— Я горжусь званием советской актрисы, — говорит Мария Эммануиловна. — Вот уже 20 лет, как я хожу с гордо поднятой головой. Меня встречают знакомые и незнакомые мне мои зрители, которые, узнав меня, приветливо улыбаются, отдают дань своего уважения мне — старой актрисе. Для нас выписывают лекторов, нас посылают на курорты, в дома отдыха, стараются создать для нас такие бытовые условия, которые бы способствовали нашему творческому росту. И эта забота социалистической страны о работниках искусства наполняет меня огромной благодарностью к нашей советской власти, к нашей партии, к нашему любимому товарищу Сталину.

ГЕН.